

«ЭТОТ ДЕНЬ ПОБЕДЫ...»

Николай Макаров
(г. Тула)

**НАГРАДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
1941—1945 ГГ.**

С каждым годом все дальше и дальше в прошлое отдаляется от нас наш самый светлый, самый дорогой, самый, самый великий день — День победы!

Что о нем помним, что знаем о том дне? Особенно — внуки, правнуки и праправнуки наших победителей?

Напоминаем всем, особенно — внукам, правнукам и праправнукам, о наградах великой отечественной. Хотя, сами победители о наградах, по большому счету, и не думали тогда. Победить!

И они победили!!!

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

16 апреля 1934 года ЦИК СССР учредил звание Героя Советского Союза.

1 августа 1939 года Указом Президиума Верховного Совета СССР была учреждена медаль «Золотая Звезда».

За годы Великой Отечественной войны звание Героя Советского Союза получили более 11,5 тысяч советских людей. 104 человека были удостоены высшего звания дважды. Летчики-истребители А. И. Покрышкин (1943, 1943 и 1944) и И. Н. Кожедуб (1944, 1944 и 1945) — трижды.

Более 200 туляков были удостоены звания Героя Советского Союза. Среди них — трое удостоены звания дважды. Три женщины-тулячки также удостоены звания Героя Советского Союза.

ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

Звание Героя Социалистического Труда было учреждено 27 декабря 1938 года Указом Президиума Верховного Совета СССР. 22 мая 1940 года учрежден знак отличия — золотая медаль «Серп и Молот».

Во время Великой Отечественной войны звание Героя Социалистического Труда получил 201 труженик тыла.

Золотая медаль «Серп и Молот» за № 1 в честь 60-летия была вручена И. В. Сталину.

ОРДЕН «ПОБЕДЫ»

Учрежден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 ноября 1943 года.

Орденом «Победа» награждались лица высшего командного состава за успешное проведение боевых операций в масштабе нескольких или одного фронтов, в результате которых в корне менялась обстановка в пользу Советских Вооруженных Сил.

Высшего венного ордена «Победа» в годы Великой Отечественной войны были удостоены одиннадцать полководцев страны и пятеро иностранных венных деятелей.

Двумя орденами «Победа» награждены Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин, маршалы А. Г. Василевский и Г. К. Жуков.

ОРДЕН ЛЕНИНА

Учрежден Постановлением Президиума ЦИК СССР от 6 апреля 1930 года.

Высшая награда СССР — орден Ленина — вручалась за особо выдающиеся заслуги перед государством и обществом.

За беспримерную отвагу и мужество, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, крупный вклад в организацию оборонной промышленности и сельского хозяйства в годы Великой Отечественной войны были награждены более 41 тысячи человек, в том числе около 36 тысяч военнослужащих и партизан.

ОРДЕН КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

Учрежден Декретом ВЦИК от 16 сентября 1918 г.

11 января 1932 года был утвержден новый статус ордена Красного Знамени Постановлением Президиума ЦИК СССР.

Согласно новому статусу орденом награждались военнослужащие и другие граждане, проявившие особую храбрость, самоотверженность и мужество при непосредственной боевой деятельности, а также целые войсковые части и соединения за особые отличия в боях против врагов Союза ССР.

Всего орденом Красного Знамени в годы Великой Отечественной войны было награждено свыше 300 тысяч воинов Красной Армии и Флота, партизан, подпольщиков.

Трижды Герой Советского Союза летчик И. Н. Кожедуб был награжден семью орденами Красного Знамени.

ОРДЕН ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ СССР

Постановлением ВЦИК и Совнаркома СССР от 7 сентября 1928 года был учрежден орден Трудового Красного Знамени СССР.

Во время Великой Отечественной войны за самоотверженный и доблестный труд орденом Трудового Красного Знамени были удостоены около 22 тысяч человек.

ОРДЕН СУВОРОВА I, II, III СТЕПЕНИ

Учрежден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июля 1942 г.

Согласно статусу орденом Суворова награждались военачальники за выдающиеся успехи в управлении войсками, отличную организацию боевых операций и проявленные при этом решительность и настойчивость в их проведении.

Всего орденом Суворова I ст. было произведено 391 награждение, II ст. — 2863 награждения, III ст. — 4012 награждений.

Орден Суворова I ст. за № 1 был вручен маршалу Советского Союза Г. К. Жуко-

ву. Орденом Суворова I ст. был награжден и Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин.

ОРДЕН УШАКОВА I, II СТЕПЕНИ

Учрежден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 марта 1944 года.

Орденом Ушакова награждались офицеры и адмиралы Военно-Морского флота за выдающиеся успехи в разработке, проведении и обеспечении морских активных операций, в результате чего в боях за Родину была достигнута победа над численно превосходящим врагом.

Всего орденом Ушакова I ст. было произведено 47 награждений, II ст. — около 200 награждений.

ОРДЕН КУТУЗОВА I, II, III СТЕПЕНИ

Учрежден Указами Президиума Верховного Совета СССР от 29 июля 1942 г. (I и II ст.) и от 8 февраля 1943 г. (III ст.).

Этим орденом награждались военачальники за отлично разработанный и проведенный план операции — фронтовой, армейской или отдельного соединения, в результате чего противнику было нанесено тяжелое поражение.

Орденом Кутузова I ст. было произведено около 660 награждений, II ст. — более 3300 награждений, III ст. — около 3300 награждений.

ОРДЕН НАХИМОВА I, II СТЕПЕНИ

Учрежден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 марта 1944 года.

Орденом Нахимова награждались офицеры и адмиралы Военно-Морского флота за выдающиеся успехи в разработке, проведении и обеспечении морских операций, в результате которых была отражена наступательная операция противника или обеспечены активные операции флота, нанесен значительный урон противнику и сохранены свои основные силы.

Орденом Нахимова I ст. было произведено 80 награждений, II ст. — более 460 награждений.

ОРДЕН БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО I, II, III СТЕПЕНИ

Учрежден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 октября 1943 года.

Орденом награждались военнослужащие и партизаны за особую отвагу, решительность и умение в проведении операций по разгрому немецко-фашистских захватчиков, мужество и самоотверженность в борьбе за освобождение советской земли от оккупантов.

Орденом Богдана Хмельницкого I ст. было произведено 323 награждения, II ст. — около 2400 награждений, III ст. — свыше 5700 награждений.

ОРДЕН АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Учрежден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июля 1942 года.

Орденом награждались командиры дивизий, бригад, полков, батальонов, рот и взводов за проявленные в боях личную отвагу, мужество и храбрость, за умелое командование, обеспечивающее успешные действия части или подразделения

Всего за подвиги и заслуги, совершенные в годы Великой Отечественной войны, было произведено более 40 тысяч наградений.

ОРДЕН СЛАВЫ I, II, III СТЕПЕНИ

Учрежден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 ноября 1943 года.

Орденом Славы награждались лица рядового и сержантского состава Красной Армии, а в авиации и лица, имеющие звание младшего лейтенанта, проявившие в боях за Советскую Родину славные подвиги храбрости, мужества и бесстрашия.

Полными кавалерами ордена Славы в годы Великой Отечественной войны стали около 2,5 тысяч воинов, в том числе четыре женщины. Орденом Славы II ст. за годы войны были награждены свыше 46 тысяч человек, III ст. — более 970 тысяч человек.

Среди полных кавалеров ордена Славы — 49 туляков, двое из них после войны удостоены звания Героя Социалистического Труда.

ОРДЕН ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ I, II СТЕПЕНИ

Учрежден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 мая 1942 года.

Орденом награждались военнослужащие и партизаны, проявившие в боях храбрость, стойкость и мужество, а также военнослужащие, своими действиями способствующие успеху боевых операций.

За годы войны было произведено около 350 тысяч наградений орденом Отечественной войны I степени и более 1 миллиона наградений — орденом II степени.

В 1985 году, в дни празднования 40-летия Победы над Германией все участники Великой Отечественной войны, дожившие до этой великой даты, были награждены юбилейным орденом Отечественной войны I и II степени.

ОРДЕН КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ

Учрежден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1930 г.

Награждение орденом Красной Звезды производилось за личное мужество и отвагу в боях, отличную организацию и умелое руководство боевыми действиями, способствовавшими успеху войск.

За героизм и отвагу в годы Великой Отечественной войны было произведено более 2860 тысяч наградений орденом Красной Звезды.

ОРДЕН «ЗНАК ПОЧЕТА»

Постановлением ЦИК СССР от 25 ноября 1935 года был учрежден орден «Знак Почета».

Орденом награждаются как отдельные граждане, так и коллективы за высокие производственные показатели в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте, в торговле, за особые достижения в научно-исследовательской, культурной и спортивной деятельности, за заслуги по повышению боеспособности Красной Армии и обороноспособности Союза ССР.

В суровые годы войны орденом «Знак Почета» было награждено свыше 66 тысяч тружеников тыла.

МЕДАЛЬ «ЗА ОТВАГУ»

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 октября 1938 года.

Медалью награждаются за личное мужество и отвагу с боях с врагами Советского Союза.

В годы Великой Отечественной войны было произведено более 4 миллионов наградений.

МЕДАЛЬ УШАКОВА

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 марта 1944 года.

За личное мужество и отвагу, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны было произведено свыше 15 тысяч наградений.

МЕДАЛЬ «ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ»

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 октября 1938 года.

Медалью награждаются за умелые, смелые, инициативные действия в бою, способствующие успешному выполнению боевых задач подразделением, войсковой частью.

Медаль у военнослужащих Красной Армии ассоциировалась с Георгиевским Крестом.

За время Великой Отечественной войны медалью было награждено около 5 миллионов человек.

МЕДАЛЬ НАХИМОВА

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 марта 1944 года.

Всего медалью Нахимова было произведено свыше 13 тысяч наградений.

МЕДАЛЬ «ЗА ТРУДОВУЮ ДОБЛЕСТЬ»

Учреждена 27 декабря 1938 года.

В период Великой Отечественной войны за самоотверженный труд в тылу были награждены около 50 тысяч человек.

МЕДАЛЬ «ЗА ТРУДОВОЕ ОТЛИЧИЕ»

Учреждена 27 декабря 1938 года.

В годы Великой Отечественной войны медалью были награждены за самоотверженный труд в тылу свыше 44 тысяч человек.

МЕДАЛЬ «ЗА ОБОРОНУ ЛЕНИНГРАДА»

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 года.

Борона Ленинграда длилась с 8 сентября 1941 года по 27 января 1944 года.

Всего медалью были награждены 1 миллион 470 тысяч человек.

МЕДАЛЬ «ЗА ОБОРОНУ ОДЕССЫ»

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 года.

Всего медалью были награждены чуть более 30 тысяч человек.

МЕДАЛЬ «ЗА ОБОРОНУ СЕВАСТОПОЛЯ»

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 года. Всего медалью было награждено около 50 тысяч человек.

МЕДАЛЬ «ЗА ОБОРОНУ СТАЛИНГРАДА»

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 года. Медалью были награждены около 760 тысяч человек.

МЕДАЛЬ «ПАРТИЗАНУ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ» I, II СТЕПЕНИ

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 февраля 1943 года. Всего медалью I степени было награждено 56 тысяч человек, II степенью — около 71 тысячи человек.

МЕДАЛЬ «ЗА ОБОРОНУ МОСКВЫ»

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 мая 1944 года. Всего медалью были награждены 1 миллион 20 тысяч человек.

МЕДАЛЬ «ЗА ОБОРОНУ КАВКАЗА»

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 мая 1944 года. Всего медалью были награждены около 870 тысяч человек.

МЕДАЛЬ «ЗА ОБОРОНУ СОВЕТСКОГО ЗАПОЛЯРЬЯ»

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 декабря 1944 года. Всего были награждены более 350 тысяч человек.

МЕДАЛЬ «ЗА ОБОРОНУ КИЕВА»

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1961 года. Всего медалью было произведено около 105 тысяч наградений.

МЕДАЛЬ «ЗА ВЗЯТИЕ БУДАПЕШТА»

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1945 года. Всего медалью награждено более 380 тысяч человек. Будапешт был взят 13 февраля 1945 года.

МЕДАЛЬ «ЗА ВЗЯТИЕ КЕНИГСБЕРГА»

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1945 года. Всего медалью было награждено выше 760 тысяч человек. Кенигсберг был взят 10 апреля 1945 года.

МЕДАЛЬ «ЗА ВЗЯТИЕ ВЕНЫ»

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1945 года.
Всего медалью были награждены свыше 270 человек.
Вена была взята 13 апреля 1945 года.

МЕДАЛЬ «ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ БЕЛГРАДА»

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1945 года.
Всего медалью было награждено около 70 тысяч человек.
Белград был освобожден 20 октября 1944 года.

МЕДАЛЬ «ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ВАРШАВЫ»

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1945 года.
Всего медалью награждено свыше 690 тысяч человек.
Варшава освобождена 17 января 1945 года.

МЕДАЛЬ «ЗА ВЗЯТИЕ БЕРЛИНА»

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 года.
Всего награждено свыше миллиона человек.
Берлин был взят 2 мая 1945 года.

МЕДАЛЬ «ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ПРАГИ»

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1945 года.
Всего медалью было награждено свыше 385 тысяч человек.
Прага была освобождена 9 мая 1945 года.

МЕДАЛЬ «ЗА ПОБЕДУ НАД ГЕРМАНИЕЙ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941-1945 ГГ.»

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 года.
Всего медалью было награждено свыше 14 миллионов 900 тысяч человек.

МЕДАЛЬ «ЗА ДОБЛЕСТНЫЙ ТРУД В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941-1945 ГГ.»

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июня 1945 года.
Всего медалью было награждено около 16 миллионов человек.

МЕДАЛЬ «ЗА ПОБЕДУ НАД ЯПОНИЕЙ»

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 сентября 1945 года.
Всего медалью награждено свыше 1 миллиона 800 тысяч человек.
Капитуляция Японии произошла 2 сентября 1945 года.

**ПОЛКОВОДЦЫ,
НАГРАЖДЕННЫЕ ВЫСШИМ ВОЕННЫМ ОРДЕНОМ
«ПОБЕДА»**

СТАЛИН (ДЖУГАШВИЛИ) ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ

(21 декабря 1879 г. — 5 марта 1953 г.)

6 мая 1941 г. — назначен Председателем Совета Народных Комиссаров СССР (с 1946 г. — Председатель Совета Министров).

30 июня 1941 г. — председатель Государственного Комитета Обороны.

18 июля 1941 г. — народный комиссар обороны.

8 августа 1941 г. — Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами СССР.

1939 г. — удостоен звания Герой Социалистического Труда.

1943 г. — присвоено звание Маршал Советского Союза.

1945 г. — присвоено звание Генералиссимус; удостоен звания Героя Советского Союза.

Награжден тремя орденами Ленина, двумя орденами «Победа», орденом Суворова I ст., тремя орденами Красного Знамени, медалями.

ЖУКОВ ГЕОРГИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ

(19 ноября 1896 г. — 18 июня 1974 г.)

Маршал Советского Союза (18 января 1943 г.), четырежды Герой Советского Союза (29.08.1939 г., 29.07.1944 г., 1.06.1945 г., 1.12.1956 г.).

Дважды удостоен ордена «Победа» (10.04.1944 г., 30.03.1945 г.).

Герой МНР (1939 г.). Награжден шестью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова I ст., орденом Красного Знамени Тувы, почетным оружием с золотым изображением Государственного герба СССР (22.02.1968 г.), а также медалями СССР, орденами и медалями иностранных государств.

На заключительном этапе войны командовал 1-м Белорусским фронтом.

24 июня 1945 года Г. К. Жуков в Москве на Красной площади принимал Парад Победы.

ВАСИЛЕВСКИЙ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ

(18 сентября 1895 г. — 5 декабря 1977 г.)

Маршал Советского Союза (16.02.1943 г.), дважды Герой Советского Союза (19.07.1944 г., 8.09.1945 г.).

Дважды удостоен ордена «Победа» (10.04.1944 г., 8.09.1945 г.).

Награжден восемью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Красного Знамени, орденом Суворова I ст., орденом Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III ст., Почетным оружием с золотым изображением Государственного герба СССР (22.02.1968 г.), а также многими медалями и орденами иностранных государств.

На заключительном этапе войны командовал 3-м Белорусским фронтом.

В июне-октябре 1945 г. — Главнокомандующий войсками на Дальнем Востоке.

РОКОССОВСКИЙ КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ

(9 декабря 1896 г. — 3 августа 1968 г.)

Маршал Советского Союза (29.06.1944 г.), дважды Герой Советского Союза (29.07.1944 г., 1.06.1945 г.).

Удостоен ордена «Победа» (30.03.1945 г.).

Награжден семью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, шестью орденами Красного Знамени, орденами Суворова I ст. и Кутузова I ст., а также многими медалями, орденами и медалями иностранных государств, Почетным оружием с золотым изображением Государственного герба СССР (22.02.1968 г.).

На заключительном этапе войны командовал 2-м Белорусским фронтом.

С 1949 г. по ноябрь 1956 г. — Министр обороны Польши.

24 июня 1945 года командовал Парадом Победы в Москве на Красной площади.

Только к Рокоссовскому и Шапошникову Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин обращался по имени-отчеству.

К. К. Рокоссовский — единственный полководец, который не «обливал грязью» и не клеветал на Сталина после его смерти.

КОНЕВ ИВАН СТЕПАНОВИЧ

(16 декабря 1897 г. — 21 мая 1973 г.).

Маршал Советского Союза (20.02.1944 г.), дважды Герой Советского Союза (29.07.1944 г., 1.06.1945 г.).

Удостоен ордена «Победа» (30.03.1945 г.).

Награжден семью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова I ст., орденом Красной Звезды, Почетным оружием с золотым изображением Государственного герба СССР (22.02.1968 г.), многими медалями, орденами и медалями иностранных государств.

Был удостоен звания Героя МНР и Героя Чехословакии.

На заключительном этапе войны командовал 1-м Украинским фронтом.

МАЛИНОВСКИЙ РОДИОН ЯКОВЛЕВИЧ

(11 ноября 1898 г. — 31 марта 1967 г.).

Маршал Советского Союза (10.09.1944 г.), дважды Герой Советского Союза (8.09.1945 г., 22.11.1958 г.).

Удостоен ордена «Победа» (26.04.1945 г.).

Награжден пятью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова I ст., орденом Кутузова I ст., медалями СССР, орденами и медалями иностранных государств.

На заключительном этапе войны командовал 2-м Украинским фронтом.

ТОЛБУХИН ФЕДОР ИВАНОВИЧ

(4 июня 1894 г. — 17 октября 1949 г.).

Маршал Советского Союза (12.07.1944 г.), Герой Советского Союза (7.05.1965 г. — посмертно).

Удостоен ордена «Победа» (26.04.1945 г.).

Награжден двумя орденами Ленина и двумя орденами Красного Знамени, орденами Кутузова I ст., Красной Звезды, медалями СССР, орденами и медалями иностранных государств.

На заключительном этапе войны командовал 3-м Украинским фронтом.

ГОВОРОВ ЛЕОНИД АЛЕКСАНДРОВИЧ

(10 февраля 1897 г. — 19 марта 1955 г.).

Маршал Советского Союза (18.06.1944 г.), Герой Советского Союза (27.01.1945 г.).
Удостоен ордена «Победы» (31.05.1945 г.).

Награжден пятью орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова I ст., орденами Кутузова I ст., Красной Звезды, медалями и орденами иностранных государств.

На заключительном этапе войны командовал Ленинградским фронтом.

ТИМОШЕНКО СЕМЕН КОНСТАНТИНОВИЧ

(6 февраля 1895 г. — 31 марта 1970 г.).

Маршал Советского Союза (7.05.1940 г.), дважды Герой Советского Союза (21.03.1940 г., 18.02.1965 г.).

Удостоен ордена «Победа» (4.06.1945 г.).

Награжден пятью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, пятью орденами Красного Знамени, тремя орденами Суворова I ст., Почетным революционным оружием-шашкой (28.11.1920 г.), Почетным оружием с золотым изображением Государственного герба СССР (22.02.1968 г.), и также медалями СССР и иностранными орденами и медалями.

На заключительном этапе войны был представителем Ставки Верховного Главнокомандования на ряде фронтов.

МЕРЕЦКОВ КИРИЛЛ АФАНАСЬЕВИЧ

(26 мая 1897 г. — 30 декабря 1968 г.).

Маршал Советского Союза (26.10.1944 г.), Герой Советского Союза (21.03.1940 г.).
Удостоен ордена «Победа» (8.09.1945 г.).

Награжден семью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова I ст., орденом Кутузова I ст., Почетным оружием с золотым изображением Государственного герба СССР (22.02.1968 г.), медалями СССР и орденами и медалями иностранных государств.

На заключительном этапе войны командовал Карельским фронтом.

АНТОНОВ АЛЕКСЕЙ ИННОКЕНТЬЕВИЧ

(1896—1962).

Генерал Армии (1943 г.).

Удостоен ордена «Победа» (1945 г.).

Награжден тремя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова I ст., орденами Кутузова I ст., Отечественной войны I ст., медалями, и также орденами и медалями иностранных государств.

На заключительном этапе войны возглавлял Генеральный штаб.

**ИНОСТРАННЫЕ ГРАЖДАНЕ,
НАГРАЖДЕННЫЕ ОРДЕНОМ «ПОБЕДА»**

ТИТО БРОЗ ИОСИП

(1892—1980).

Государственный политический деятель Югославии, маршал (1943), трижды

Народный Герой Югославии (1944, 1972, 1977), Герой Социалистического Труда (1950 г.).

Во время народно-освободительной войны в Югославии в 1941—1945 гг. — Верховный Главнокомандующий Народно-освободительной армией.

ЖИМЕРСКИЙ МИХАИЛ (ПСЕВДОНИМ РОЛЯ)

(1890—1988).

Маршал Польской Народной Республики (1945 г.).

Во второй мировой войне в период немецко-фашистской оккупации Польши — участник движения Сопротивления. С января 1944 г. — Главнокомандующий Армией Людовой, с июля 1944 г. — Войска Польского и руководитель ведомства Национальной обороны в Польском комитете национального освобождения.

МОНТГОМЕРИ БЕРНАРД ЛОУ

(1887—1976) — английский фельдмаршал (1944 г.).

Дважды удостоен ордена «Победа» (10.04.1944 г., 30.03.1945 г.).

Во вторую мировую войну командовал дивизией, корпусом, армией в Северной Африке, группой союзных армий, высадившихся в 1944 г. в Нормандии. В 1945 г. — Главнокомандующий британскими оккупационными войсками в Германии.

ЭЙЗЕНХАУЭР ДУАЙТ ДЭЙВИД

(1890—1969).

Государственный и военный деятель США, генерал армии (1944 г.).

Во время второй мировой войны с 1942 г. — командующий американскими войсками в Европе, главнокомандующий, затем Верховный главнокомандующий экспедиционными силами в Северной Африке и Средиземноморье. С декабря 1943 г. — Верховный главнокомандующий экспедиционными силами союзников в Европе. В 1945 г. командовал оккупационными силами США в Германии.

МИХАЙ I

(1921—?).

Король Румынии с 1940 г.

24 августа 1944 г. Румыния вступила в войну против нацистской Германии.

РУССКИЕ ПОЛКОВОДЦЫ НА ОРДЕНАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941—1945 ГГ.

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

(1220—1263).

Князь Новгородский (1236—1251) и Тверской (1247—1252), великий князь Владимирский (1252—1263). Сын князя Ярослава Всеволодовича. Победами над шведами (Невская битва 1240) и немецкими рыцарями Ливонского ордена (Ледовое побоище 1242) обезопасил западные границы Руси. Канонизирован Русской православной церковью.

КУТУЗОВ МИХАИЛ ИЛЛАРИОНОВИЧ
(1745—1813).

Полководец, светлейший князь Смоленский (1812), генерал-фельдмаршал (1812). Ученик А. В. Суворова. Участник русско-турецких войн XVIII в., отличился при штурме Измаила (1790).

В Отечественную войну 1812 г. избран начальником — командиром Петербургского, а затем Московского ополчения, с августа — главнокомандующий русской армией. Принял решение дать сражение на подступах к Москве и села Бородино. После него, стремясь сохранить боеспособность русской армии, отступил к Москве, а затем оставил ее. Совершил фланговый маневр в район села Тарутино, закрыв Наполеону отступление в южные районы страны. Способствовал развитию партизанского движения. Организовал контрнаступление русской армии и уничтожение французских войск.

НАХИМОВ ПАВЕЛ СТЕПАНОВИЧ
(1802—1855).

Флотоводец, адмирал (1855). В Крымскую войну (1853—1856), командуя эскадрой Черноморского флота, разгромил турецкий флот в Синопском сражении (1853). В 1854—1855 один из организаторов и руководителей обороны Севастополя. Смертельно ранен на Малаховом кургане.

СУВОРОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
(1730—1800).

Граф Рымникский (1789), князь Италийский (1799), полководец, генералиссимус (1799).

Не проиграл ни одного сражения. Автор военно-теоретических работ «Полковое учреждение», «Наука побеждать». Создал оригинальную систему взглядов на способы ведения войны и боя, воспитания и обучения войск. Стратегия Суворова носила наступательный характер. Развил технику колонн и рассыпного строя.

УШАКОВ ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ
(1745—1817).

Флотоводец, адмирал (1799), один из создателей российского Черноморского флота, с 1790 г. — его командующий. Разработал и применил маневренную, одержал ряд крупных побед над турецким флотом. Во время войны против Франции (1798—1800) успешно провел Средиземноморский поход русского флота. Не поиграл ни одной морской баталии.

ХМЕЛЬНИЦКИЙ БОГДАН (ЗИНОВИЙ) МИХАЙЛОВИЧ
(ок. 1595—1657).

Гетман Украины (с 1648). Из семьи украинского православного шляхтича. Возглавил крестьянско-казацкое восстание на Украине за освобождение от власти Речи Посполитой. Получив согласие правительства царя Алексея Михайловича о принятии Украины в российское подданство, утвердил на Переяславской Раде договор об объединении Украины с Россией (8 января 1654 г.).

Михаил Черняков

(Почетный гражданин улицы Александрова,
г. Мурманск)

ВОЕННЫЕ БУДНИ ЛЕЙТЕНАНТА-АРТИЛЛЕРИСТА

От главного редактора: Сколько бы ни было написано о войне 1941—45 гг., но самым волнующими остаются воспоминания ее участников. Ниже мы публикуем записки Михаила Васильевича Чернякова, подготовленные к публикации его сыном, Юрием Черняковым, проживающим в Петрозаводске и работающим заместителем руководителя Территориального органа Федеральной службы госстатистики по республике Карелии. Им же составлена биографическая справка и комментарии к воспоминаниям его отца.

Черняков Михаил Васильевич родился в 1911 году в селе Березовский Рядок Бологовского района Тверской области в большой крестьянской семье. До 1929 года учился и работал. После окончания школы крестьянской молодежи (семилетки) поступил в Ленинградский рыбопромышленный техникум и закончил его в 1932 году по специальности техник-технолог. Работал в Псковском межрайрыбасоюзе инструктором. Затем в 1933—35 гг. служил в Красной армии, окончил полковую школу младших командиров артиллерии.

После службы в армии работал инспектором рыбоохраны Лоухского и Кандалакшского районов Карельской АССР. С 1939 года работал технологом на Кандалакшском консервном комбинате. С июня 1941 года по 1944 год в действующей армии, демобилизован по ранению в звании лейтенанта. Вернулся на консервный комбинат, работал начальником планово-экономического отдела, начальником цеха. В 1946 году вступил в ВКП(б). Работал пропагандистом райкома ВКП(б) в 1947—48 гг. В 1948 году направлен партией на Порт-Владимирский рыбозавод Кольского района Мурманской области, где работал сначала главным инженером, а затем директором. С 1956 года по 1967 год работал директором Сайда-губского рыбозавода Североморского района Мурманской области. С 1967 по 1977 год работал начальником ЖКО Мурманского рыбокомбината. Много лет был членом райкома партии, депутатом поселковых и районных Советов депутатов трудящихся. Награжден многими орденами и медалями, в том числе, орденом Красной звезды, орденом Знак Почета, орденом Отечественной войны 2 степени, медалью «За трудовое отличие», «За оборону Заполярья» и другими. Почетный гражданин улицы Александрова, г. Мурманск. Умер в 2004 году.

ВОЕННЫЕ БУДНИ

I

Я уже коротко говорил, что призван был сразу же, на второй день войны. Явился я в Кандалакшский райвоенкомат, а через три дня уже был на полуострове Рыбачий,

в 7-ом пулеметном батальоне. Затем мною перечислены все воинские части и все должности, кои я занимал, и где довелось воевать с фашистами.

Но сейчас хочу вспомнить кое-что поподробнее. О Великой Отечественной войне 1941—45 гг. написано много хороших книг, немало издано воспоминаний и размышлений ее участников, но наверняка еще многое будет сказано в будущем.

Война началась — мне шел 30-й год. Войну многие из нас ждали, предвидели. В начале 1941 г. — с 1 января по 1 апреля — я был взят на 3-х месячные сборы, где комиссар 290 артполка говорил, что в бюджете страны из 3-х рублей — 2 рубля идет на военные цели. Люди нашего возраста войну с немцами воспринимали как неизбежное, осознанно, неожиданности почти не было. А это было очень важно, особенно в первые дни войны. Весь, если можно сказать, трагизм первых месяцев войны мы перенесли гораздо легче, чем те люди, кого война застала врасплох, совершенно ее не ждавших. А такие люди были несмотря на то, что в печати, в лекциях и докладах, в песнях, т.е. всюду шел разговор о надвигающейся войне с Германией, с Гитлером.

Я был, можно сказать, в гуще событий почти всю войну, с первого ее дня — 2,5 года был на фронте, на передовой, затем 6 месяцев в эвакогоспитале и мне довелось видеть и пережить многое.

Войну я встретил в звании младшего лейтенанта — артиллериста. 23 июня 1941 г. 27 человек командного состава кандалакшских ребят, в том числе и я, выехали поездом из Кандалакши в Мурманск. 26/VI около 800 чел., мурманчан, в том числе и нас, «погрузили» на грузовой пароход «Моссовет». Погрузили, более правильно сказать, нежеле посадили, потому, что на судне сидеть было не на чем, имелись пустые 2-х — 3-х ярусные трюма, и на другой день утром высадили в Титовке, вблизи дороги идущей в Печенгу.

Встретил нас, прибывшее пополнение, генерал-майор Журба. О нем потом шла худая молва, якобы он виновен в беспорядочном отходе 14-й дивизии, в предательстве и т.д. На самом деле вроде бы не так, спустя почти 30 лет оказалось, что он был убит в первые дни войны. В Мурманске ему установили небольшой памятник, там, где захоронены погибшие в Финскую и в эту войну.

На войне многое запоминается, некоторые события оставили неизгладимый след, но многое стерло в памяти время.

Первые дни войны, первый пеший переход к месту назначения, потом их было много, не счесть и они были несравненно труднее, опаснее, но вот о нем, о первом переходе коротко скажу, который вероятно все запомнили, кто шел.

Бухгалтер «Мурманторга», не помню его фамилии, когда мы шли из Титовки в Вайда Лахту на полуостров Рыбачий, стер ноги. Он был толстяк, шел с великим трудом, и тогда ему товарищи советовали — «бреди, бреди смелее, все еще впереди» — при этом как бы повторяя слова полковника Красильникова. Так вот он (бухгалтер) в это время говорил — если я останусь жив, то этот переход я запомню.

И действительно было чего запомнить. В 11 часов дня мы вышли из Титовки, а на другой день утром в 5 часов пришли в Вайда Лахту. Расстояние в 80 км преодолели (а не просто прошли) за 18 часов. Шли без остановки, привалов, по бездорожью, по скалам, в ущельях еще был снег и лед, прыгали по сплошным камням — валунам. При отливе морской воды шли по скользким камням, обросшими водорослями, через ручьи — снимали обувь и вброд, оленьи тропинки и грунтовые, малонаезженные, дороги составляли 1/3 пути. Выбывших из колонны по разным причинам были единицы.

К такой ходьбе многие были совершенно не готовы, но преодолели этот путь потому, что это была уже война, это был переход уже военного времени.

Некоторые товарищи шли в угнетенном состоянии, но основная масса шагала бодро, без песен, но шутки и смех раздавались в неорганизованно бредущей толпе взрослых, отборных, сильных людей. В нашей группе комсостава кандалакшан много

было весельчаков, людей никогда неунывающих, анекдотчиков. Были и политики. Один из ребят (Наволоцкий) тихо, осторожно говорил,— «Зачем поднимают народы на войну, лучше бы как в далекие прошлые времена — вышли бы на поле брани и схватились между собой представители народов — вожди военные или гражданские... — называя при этом фамилии — ...и решили бы исход дела сами».

В эти часы перехода все почувствовали, что обрушилась на людей жестокая, кровопролитная война.

Когда мы шли в Вайда Лахту, т.е. во время этого перехода, в Восточное озерко нам встретился полковник Красильников. Там был штаб укрепленного района, и он командовал всеми воинскими частями полуострова Рыбачьего и Среднего. Полковника обступили со всех сторон и ему начали жаловаться, что мол, идем не вооруженные, нас обстреляли, не кормите и т.д.

Он немного послушал и всему окружившему его комсоставу, приписному, резко сказал: «Не хнычьте, а готовьтесь к тяжелой войне, впереди еще всего будет. Придете на место — все получите, вас оденут, вооружат». Все поняли — меньше разговоров, больше дела, надо следовать к месту назначения не задерживаясь.

О полковнике Красильникове можно сказать словами М. Ю. Лермонтова из Бородино,— «полковник наш рожден был хватом, слуга царю, отец солдатам...» Так вот, если заменить слово царю словом — Родине,— то эта похвала подойдет полковнику Красильникову. На меня он произвел сильное впечатление, и я подумал, что этот командир ясно мыслит, побольше бы таких. Его твердая воля, трезвый ум, ясное понимание трагических событий — заставили наших солдат и офицеров остановить немцев в Кутовой, не допустить захватчиков на полуостров Рыбачий. Он лично сам в это критическое время, когда немцы шли с открытым забралом, не считаясь с потерями, с пистолетом в руках был среди солдат и офицеров, вселял в них смелость и отвагу.

II

Задача 7-го пулеметного батальона состояла в том, чтобы не допустить высадки десанта на полуостров Рыбачий в местах его расположения.

Он был подкреплен артиллерией — батареей из трех орудий, имел 4 мощных ДОТа с толщиной бетонных стен около метра. В ДОТах располагались расчеты со станковыми пулеметами, с приходом пополнения строились траншеи и огневые точки. Пушки были обыкновенные, 76 мм, дивизионные, бьющие на 8—9 км. Они не были дальнобойными и не были рассчитаны на обстрел кораблей противника на дальних дистанциях. Все это располагалось на территории 3-ей роты, обращенной в сторону Норвегии. Здесь больше всего ожидали высадку десанта немцами. Дальнобойные пушки были у нашего соседа на мысе «Туманный», батарея Космочева.

Прибыв в 7-ой пулеметный батальон, я сначала был назначен командиром огневого взвода (командир батареи Колтанов), затем был назначен командиром взвода управления 3-ей роты. В состав 3-ей роты входила и батарея, вернее сказать, огневой артвзвод. Командовал ротой капитан Величко, политрук Лозакович, командирами взводов были Курлыкин, Шаров, Долгополов, Долгов, Столбов, Титов, Дерябин и др. В 7-ом пульбате, в других ротах, были известные мурманчане: Кулешов С. И., Тимофеев И. Н., Лычкин А. И., в губе Скорбеевка — Миронов П. А. и многие другие. Несколько слов о Миронове П. А., его многие знают.

Так вот этот нелюдим, и как некоторым казалось, что он грубый, несдержанный, жесткий человек, будучи в губе Скорбеевка «начальником гарнизона» проделал за 1 месяц очень большую работу,— изрыл весь берег ходами, траншеями, настроил землянок, ушел со своими солдатами весь в землю. Когда он меня пригласил

сил в гости, т.е. приехать к нему на беседу, мы с ветфельдшером Никифоровым, моим соседом по квартире в Кандалакше, оседлали лошадей и выехали в его Скорбеевку. Езды около 18 км.

После обстоятельной встречи и осмотра его «владений» я ему сказал,— «зачем ты, Петр Алексеевич, мучаешь своих людей, сам не спишь и им не даешь. Все это пустое дело. Во-первых — на таких отмелях, на сплошь илистых берегах немцы завязнут и до тебя не дойдут. Они подберутся, причалят вон рядом, к скалам и вылезут на чистое сухое место». И он ответил: «На войне спать некогда, и чем черт не шутит, где не ждешь, там и грянет беда».

Миронов выглядел сам молодцом и солдаты у него были по боевому настроены. Он был потом командиром батальона 28 стрелкового полка 10 гвардейской дивизии, а затем начальником оперативного отдела этой же дивизии. Вояка он был толковый, смелый. Обо всем мы с ним толковали по душам, на многие вещи смотрели единым взглядом, он мой однокашник, вместе кончали Ленинградский Рыбопромышленный техникум.

3-я рота 7-го пулеметного батальона располагалась в деревне Керванто в 3-х километрах от Вайда Лахты. Вместе со мной во взводе управления были мурманские ребята: Дергунов — часовой мастер, Семенов из универмага, Мохов — сын Мохова И. А. начальника упр. рыбокомбината, Тюрин, Кузнецов, Щербаков и другие с разных предприятий города.

В феврале 1942 наша рота в течение 18 дней, вместо 14, была в боевом охранении (не сменили ее вовремя из-за сильной метели). Боевое охранение или передний край обороны Рыбачьего, что нам было поручено, располагалось на трех сопках Муста Тунтури, Средняя из них была с погранзнаком, рядом с ним находился командный пункт роты.

Погранзнак на средней сопке хребта Муста Тунтури (по фински это означает — Черная тундра) единственное место на всем фронте от Баренцова до Черного моря, которое не было занято немцами.

Должность или, вернее, обязанности начальника связи возложены были на меня. Моя задача состояла в том, чтобы обеспечить бесперебойную связь между подразделениями находящимися на трех сопках и потому приходилось исправлять частые порывы телефонной связи при обстрелах. Как только минометный обстрел, а в сопках больше всего именно минометами вели огонь и немцы и мы, связисты на чеку. На устранение порывов шли обычно сержанты Кузнецов и Дзюбаненко и с ними по 1 или 2 бойца.

Шел и я с одним или двумя бойцами. Сержанты шли по телефонной линии, а я с бойцами по тропинке, или вернее по приметным местам и условленными сигналами давали знать друг о друге, чтобы не сбились с линии, особенно в сильные метели, которые почти постоянно свирепствовали в феврале на сопках Муста Тунтури.

Дважды сержант Кузнецов с бойцами в ночной темноте срывались со скал и падали в снежную пучину. А днем устраняли обрывы телефонной связи под обстрелом снайперов. Устранение обрывов связи на склонах крутых сопек, почти всегда немедленные, сплошь и рядом было настоящим героизмом, но выполнялось оно как обычное, необходимое дело, никто не считал это проявлением какой-то отваги. На самом же деле это был именно героизм, так как требовал от связистов большого напряжения физических сил. Особенно смело и быстро работали на линии по устранению порывов сержант Кузнецов, телефонист Прытков и др. Сержант Кузнецов уроженец Архангельской обл., недалеко от города Шенкурска, с реки Ваги.

Пост у погранзнака был одним из самых опасных. Он обстреливался снайперами и по нему часто били минометы. Надо сказать, что немцы занимали более выгодные позиции по переднему краю обороны почти по всему хребту Муста Тунтури. Лейте-

нант Самойлик был убит на этом посту у погранзнака, разведчик Поспелов шел с этого поста, был снайпером тяжело ранен и в санбате умер.

С этого же поста и с других участков наши снайперы вели обстрел расположения противника и уничтожили не один десяток фашистов. Этот пост как и другие, выдвинутые вперед, прикрывали подход наших людей к сопкам Муста Тунтури.

III

В апреле 1942 г. несколько человек комсостава — артиллеристов, в том числе и меня, перевели с п/о Рыбачий на разъезд Выходной, в Кольский зверосовхоз, где комплектовался дивизион 76 миллиметровых горновьючных пушек. Дивизион предназначался для 6-ой отдельной Олень-Лыжной бригады. Я был назначен заместителем командира батареи. В июне 1942 г. дивизион прибыл в расположение 6-ой Олень-Лыжной бригады. Она находилась на левом фланге наших частей, с 52-го километра (по старому, от Мишукова, измерению Печенгской дороги) влево около 7 километров.

С наступлением темных ночей, в начале сентября 1942 г. нашей батарее было приказано занять огневые позиции километров десять от места расположения бригады или около 15 километров влево от Долины Славы и быть готовыми поддержать пехоту огнем по соответствующей команде. Выезд был исключительно тяжелым. Бездорожье. Вьюки тяжелые: ствол, лафет, оси, ящики с боеприпасами и др. снаряжением. Лошади вязли в болотистых местах и не в силах были выбраться без снятия вьюка, а на скалистых местах — падали на колени, разбивали их до крови, а иногда падали вместе с вьюками. Заняли огневую позицию, но огня не открывали и дня через 2—3 нам пришлось сняться и вернуться в бригаду.

На войне все нужно было, требовались и горно-вьючные пушки. Но после этой операции, которая показала, что маневрировать горно-вьючными пушками очень трудно,— часть их перевели на конную тягу, а часть все же сохранили вьючными.

IV

В октябре 1942 г. из 6-ой бригады нас — несколько артиллеристов, откомандировали в 152 стрелковую дивизию. Я в этой дивизии сначала был назначен зам. командира батареи 2-го дивизиона 333 артполка, а затем начальником разведки этого же дивизиона. 152 дивизия в декабре 1942 сменила в боевом охранении на мурманском направлении 14 стрелковую дивизию. Наш дивизион стоял у 314 высоты 1,5 месяца. Тут тоже не так то просто все было. Уж очень трудно было с отоплением, мы мерзли, с дровами было гораздо хуже, чем на полуострове Рыбачий. НП совершенно ничем не обогревались, а они, как правило, находились на высотах.

Фронтные будни невозможно описать какими, иногда, они были трудными, утомительными, длительные переходы без отдыха, без сна, на пределе человеческих возможностей. Вот один из многих, не боевых, но не легких случаев.

При следовании 333 артполка и нашей 152 дивизии на передовую, в боевое охранение, я ехал в кабине с шофером на большой автомашине — студабеккере (или шевроле) — нагруженной артснарядами в ящиках, весом около 5 тонн. На ящиках сидело 5—6 бойцов. При спуске под гору, примерно в 10—12 км от Ура-губы в сторону Западной Лицы, автомашина сошла правыми колесами с дороги, накренилась и все снаряды с людьми оказались под откосом. Такая же машина с командиром огневого взвода шла сзади. И вот 10—12 человек бойцов-солдат и нас 2 чел. в течение не больше 20 минут поставили, выправили автомашину на дорогу и все снаряды из под откоса подняли в кузов автомашины. Дивизион и артполк следовали без задержки. А

дело было в декабре,— сильный мороз, снега много, никаких объездов нет и задерживать движение артполка в такой момент — значить допустить ЧП. Случай потребовал от нас сверхнапряжения, ящики весом по 80—100 кг летели с рук на руки и в кузов автомашины, как игрушки. Откуда берется в такие минуты физическая сила, можно только удивляться.

Заняв свои места на переднем крае обороны наш артиллерийский дивизион оказался в центре участка, занятого дивизией. Быть в боевом охранении с начала декабря 1942 г. до половины января 1943 г., быть в такое время года на переднем крае на сопках, это значит быть в бою, в бою медленном, изнурительном.

Дело не в том, что освободили или нет от врага какую-то территорию, не в количестве погибших, погибших немного, а дело в том, что в течение 1,5 месяцев бойцы и командиры первой линии были под постоянным обстрелом, не знали ни сна, ни отдыха, зябли в холодных наблюдательных пунктах, траншеях и в сырых, плохо отапливаемых землянках. Условия были, пожалуй, хуже, чем на п/о Рыбачьем.

Встретив Новый, 1943 год на НП, я спустился в свою землянку около 2-х часов ночи и встретил в ней командира соседнего 1-го дивизиона, очень молодого, приятной наружности, капитана Фатьянова, который, пробираясь на свой НП, случайно забрел к нам. Разговорились о разных делах и о том, что ждет нас в новом году. И вот его новогодняя шутка. «Вы сделайте большое окно в вашем земляном дворце и тогда не надо будет коптилки, хватит света от постоянно горящих немецких ракет». И действительно, боясь наших вылазок, немцы всю ночь напролет освещали сопки одновременно десятками ракет, одни висели в воздухе, другие гасли, третьи взлетали. И так с вечера до рассвета ракетное освещение не угасало. И затем я спросил гостя землянки,— «Что, кажется, спокойно встретили Новый год?»

— «Да, спокойно?!»,— ответил он.— Сегодня взвод дивизионной разведки провалился на территорию немцев, разгромил их огневую, сильно укрепленную точку, взяли языка и привезли в лодках своих ребят — 2 убитых и несколько раненых. Брали языка на участке 480 стр. полка».

«Так почему же мы не вели огонь? Ведь этот полк наш дивизион должен поддерживать артогнем»,— спросил я. Последовал его ответ — «Видимо, не нужен был артогонь, и во всей этой операции требовалось только отвага и холодное оружие».

И я тут же ему рассказал, что на нашем наблюдательном пункте, вчера днем, командир взвода управления гаубичной батареи, молодой мл. лейтенант, только что прибывший в полк, стал наблюдать из амбразуры в бинокль и был убит снайпером. Свежие следы крови на НП и по всей траншее еще не убрали.

«Ну что ж,— заметил капитан,— немцы рядом, надо знать их повадки и рот не разевать».

Вот так идет день за днем без боя и в то же время на передовой линии постоянное напряжение.

Фашистский генерал Дитл мечтал без труда взять Мурманск, но наткнулся на героическое сопротивление наших войск, всех защитников Заполярья и был остановлен.

При защите и при изгнании из Заполярья фашистских захватчиков много было совершено героических подвигов, больших и малых и о них еще не все сказано.

V

В феврале 1943 г. 152-я стрелковая дивизия была переброшена с Мурманского направления под Харьков. Около месяца эшелоны дивизии стояли на окружной железной дороге в Москве, на станции Лефортово и ст. Серебряный Бор.

После санитарной обработки и частично небольшого отдыха эшелоны тронулись на юг и в начале марта нас высадили в гор. Купянске. Почти сходу наша дивизия пе-

реправилась через Северский Донец в район г. Змиева и пошла навстречу наступавшим на Харьков немцам. Сдержать наступление немцев на заданном ей участке наша дивизия не смогла и около 20 километров мы отступали. Отступали с небольшими стычками с противником, а артиллеристам было приказано без боев следовать на левый берег Донца и там занять оборону. Отходили недолго, но тяжело было смотреть на беспорядочное движение людей и техники, на наши потери от бомбежки и обстрела самолетами.

На левом берегу Донца мы заняли оборону и простояли с конца марта до начала августа 1943 года.

Коротко о двух переделках, в коих оказался при наступлении и отступлении в этих неудачных 20 километрах. В дивизии 3 стрелковых полка и один артиллерийский полк в составе 3-х дивизионов. Каждый артиллерийский дивизион придается какому-либо из пехотных полков и они действуют взаимосвязано. Наш 2-ой дивизион больше взаимодействовал с 544 стр. полком. И на этот раз при наступлении мы шли тем же путем что и 544 стрелковый полк. Пехота шла впереди нас. При движении дивизиона походным маршем на исходные позиции нас дважды бомбили немецкие самолеты. В одном случае моя предусмотрительность избавила дивизион от ненужных потерь людей и орудий.

А суть дела такова. При выходе дивизиона из леса на обширное поле, я шел в голове колонны и, увидев в полете около 10 самолетов противника, я сразу же определил, что они нас обнаружили, и по всему сделал предположение, что они нас будут бомбить. Без промедления я подал команду — дивизион в укрытие. Все бросились в лес, от которого первые повозки и орудия были уже на расстоянии 150 — 200 метров. Половина колонны, получив предупреждение, осталась в лесу и сошла с дороги. Минуту-другую немецкие самолеты скрылись за лесом и затем видно было, что дела полукруг, они заходят на бомбежку. Сделав один за другим два захода, самолеты обстреляли нас и сбросили 4 небольших бомбы. В результате налета потери были сравнительно не велики, но были убитые и раненые. После обстрела командир дивизиона, ехавший тогда в середине колонны, сказал мне, — как ты сумел так быстро и точно сориентироваться и определить их замысел — молодец. Мне же казалось, продолжал он, что они летят далеко, и не увидев нашей колонны, пролетят дальше. Они не все бомбы сбросили и лишь потому, что мы вовремя ушли в лес. Так думал не только командир дивизиона, а и все командиры батарей.

Вторая опасная ситуация.

День был на исходе. Выйдя из леса после обстрела, привели все в порядок и дивизион двинулся к месту назначения. Через час хода пришли в большое село, в котором расположились штаб 544 стр. полка и штаб дивизиона. Командир дивизиона майор Данилов вызвал меня и поставил задачу. Развернули карты и он указал мне карандашом — «Вот здесь мы сейчас стоим и здесь же, около этого села, будут стоять все батареи, а наблюдательный пункт выбери вот здесь, в деревне Западенка. Расстояние до нее 5 км. Понял?» Понял — ответил я. И дальше сказал он — «как только выберешь НП — доложишь, я буду ждать, часам к 10 утра. Затем я приеду к вам на НП».

Собрав бойцов, я ознакомил их с поставленной перед нами задачей и, немного отдохнув, стали готовиться к выходу. Вышли из села часа в 2 ночи. Связисты взяли катушки с проводом и аппараты, разведчики — стереотрубы, немного старшина дал продуктов, — все погрузили на повозку и тронулись. Связь начали тянуть из домика, где остался начальник штаба дивизиона. С рассветом мы подошли к дер. Западенка. В ней должны были быть командир батальона или, на худой конец, командир роты. Но мы никого не встретили, в деревне было пусто. Остановились мы в двух домах. В одном был седой старик лет 75, во втором — женщина с детьми. Наш выдвигенец — повар-разведчик Черных и мой ординарец-связной начали соображать завтрак. Обра-

тились к старику, тот нехотя сказал, что кроме буряка у него ничего нет. Тогда Черных забрался к нему в подпол, взял там и картошки, свеклы, луку, немного пожелтевшего свиного сала-шпигу и завтрак подготовили отменный. Так как взяли по совести, лишнего не брали, то старик не возражал и потом был даже доволен, что нас угостил, чем мог.

Я ждал, когда связисты установят связь со штабом дивизиона, чтобы доложить о своем прибытии в дер. Западенку, а командира отделения разведки Мохова направил на высоту, на склоне которой расположилась деревня. Спустя не более часа приходит разведчик и докладывает, что километра 4 от нас по горизонту, слева на право, движутся войска, вроде бы немцы, сержант просит Вас прибыть на высоту. Не теряя ни минуты я бросился на высоту с которой было ясно видно в бинокль, что идут немецкие части.

Первый вопрос, который возник у нас в этой ситуации — где наша пехота? Встретившегося нам командира стрелкового отделения, спешно уходящего со своими солдатами, мы стали расспрашивать, но он ничего толком не мог сказать. Сказал лишь о том, что их рота вот там, слева, и она уже отошла с соседней высоты, а справа должны быть остальные роты, но они уже тоже, наверное, отошли без всякого боя. Ему, — сказал он, командир взвода передал через связного — отходи без боя — получен такой приказ. Вот я и спешу. Это все, что мы видели и знали о батальоне, который должны были поддерживать артиллерийским огнем.

Я сказал сержанту Мохову, — будь пока здесь, а сам пошел доложить в штаб дивизиона о всем, что увидел и что услышал. Прихожу к связистам и мне докладывают, что связь со штабом была, но сейчас прервалась. Впоследствии было понятно, что отступающие воинские части, может быть даже в самом селе, около штабов, в суматохе перервали нашу линию связи. Обычно нарушение связи старались не допускать, за это крепко наказывали, но всякое бывает. В такой обстановке медлить с решением, — что делать? — нельзя и я приказал быстро собраться и следовать обратно, забрать все с собой, снимать телефонную линию и идти кучно, не отставать.

Батальон давно уже отходил и ни справа, ни слева не было видно ни одного пехотинца, они отошли не оставляя никакого прикрытия.

В село, где располагались штабы, мы пришли и никого не застали, кроме хозвода нашего дивизиона. Старшина крикнул нам — давайте размещайтесь на повозках, кто где может, мы догоним трактора с орудиями и все пересядете на них. Мы действительно догнали наши батареи, они шли медленно вследствие бесконечных заторов на дороге и с ними шел начальник штаба дивизиона капитан Веденяпин.

Я ему высказал, что не годится оставлять в неизвестности почти 20 человек. Он ответил, — связь нарушили при начавшемся отходе и я не успел дать вам указание, но я знал, что вы должны были сразу же понять, определить, что происходит, на то вы и разведка. И дальше он продолжал, — мы идем в порядке, не попали под бомбежку, нам пока повезло, кроме вас весь дивизион был в сборе, а ты видишь, что кругом нас творится. А творилось действительно невообразимое. Убитые и раненые лошади валялись на дороге, стояли разбитые повозки и трактора, видно было, что пехотинцы шли неуправляемы. Суматоха, спешка не позволяли все прибрать и навести какой-то порядок. А отступали-то всего ничего, какихнибудь 3—4 часа.

Когда собрались на левом берегу Северского Донца и пришли в спокойное состояние, сержант Мохов и все бойцы, не раз мне говорили — да, мы были не в деревне Западенка, а в западне и чудом не оказались в руках врага. Село, где были штабы и из которого мы выехали, с другого конца, его уже занимали немцы и нам слышна была слабая перестрелка.

РАЗВЕДКА БОЕМ

В середине июля 1943 г. при подготовке наших войск к наступлению на Харьков (оно совпало с началом боев на Орловско-Курской дуге) командованию надо было знать, что собирается делать противник на нашем участке фронта. И вот была задумана и готовилась операция по захвату языка — разведка боем.

Нашему дивизиону приказано было при необходимости поддержать артогнем эту операцию. Командир дивизиона приказал мне отыскать командира роты 544 стрелкового полка капитана Копейкина и поступить в его распоряжение. Капитан Копейкин будет руководить разведкой боем, в ней будет участвовать около 100 человек. Задача заключалась в том, чтобы нанести удар, взять пленных и отойти назад. Немцы находились на правом берегу реки Северский Донец и операцию готовили провести южнее г. Чугуева, в очень лесистой местности.

В течение 2-х часов на лошадях с двумя разведчиками я изъездил весь лес, где стоял 544 стрелковый полк, а землянку капитана Копейкина долго никто не мог нам указать. Он уединился и как бы засекретился. При встрече капитан Копейкин сказал, — наверное, не понадобится мне ваша поддержка, как будут складываться обстоятельства трудно предвидеть и вряд ли вы сможете мне помочь, ведь мы же будем в движении. И дальше, он сказал, — может получиться так, что вы своим огнем ударите по нам.

Капитан Копейкин — рослый, грузный, светловолосый, с умным взглядом, погруженный в осмысливание стоящей перед ним задачи, встретил меня без радости и я это хорошо понял. Выслушав его соображения о том, что ему наша поддержка не нужна, я разъяснил ему приказ начальника артиллерии дивизии полковника Сластюнина, обязывающего нас быть в Вашем распоряжении и этот приказ я должен выполнить.

«Ну хорошо, — сказал капитан Копейкин, — завтра переправляйтесь через Донец, расположитесь вот в этом месте и ждите, если понадобится — придет связной» и показал место на карте где он будет действовать.

Рота его вышла ночью и весь день будет стоять рядом с немцами, изучать местность, их огневые точки и поведение. Мы должны выходить на рассвете, переправа будет работать и днем. Взяв с собой радиостанцию и две большие катушки телефонного провода мы пришли на переправу. Нас перевезли через реку и мы пошли, а местами поползли по-пластунски в указанное нам место капитаном Копейкиным. От переправы, от землянки связи, мы протянули связь в один провод, расстояние около 800 метров и слышимость была нормальной. На переправе остался командир 2-ой батареи нашего дивизиона. Вместе с нами переправляли боеприпасы — патроны и гранаты и переправилось около 5 человек санитарок с сумками и носилками. Переправа и мыс, на который мы высадились, все время обстреливались артиллерией и минометами. Мыс когда-то был покрыт густым лесом, а теперь стояли одни стволы, без сучьев, обрубленных минами и снарядами. Мыс тянулся в длину около 1,2 км и в ширину — 1 км. Мы расположились на обрыве у реки, над нами стояли здоровые сосны. Казалось бы, что это хорошо, деревья охраняют, а с другой стороны — плохо, мины ударяясь в деревья, рвались над нашими головами. Один разведчик был ранен в ногу осколками мины и он даже не заметил, как был ранен, и все думал, — откуда у него вода в сапоге. А когда снял сапог — он оказался полный крови.

Передний край расположения немцев от переправы находился на расстоянии 1,5 км. Примерно в полночь с криками — «Ура», со стрельбой, взрывами гранат и непонятными криками со стороны немцев завязалась схватка.

Мы были готовы открыть огонь, если попросит командир разведки, все время держали связь с командным пунктом командира дивизиона. Но этого требования не последовало. Мне же установить по какому месту вести огонь в момент боя, который

завязался в траншеях, было невозможно. Предполагалось вести и вели огонь по противнику в глубину его расположения и по ранее намеченным целям, во время захвата языка и при отходе нашей разведки, командиры батарей по указанию командира дивизиона. В свою очередь, немцы вели огонь по нашему переднему краю.

Бой шел в течение двух часов, человек пять полуживых фрицев взяли в плен. Поставленная задача была выполнена. Мне неизвестно сколько человек было убито с нашей стороны, но раненых было порядочно, человек 20, они проходили мимо нас сами, некоторых несли на носилках.

Для поддержки капитана Копейкина, мимо нас в сторону немцев, к концу боя, прошел взвод полковой разведки. К рассвету отход наших солдат и вся операция «Разведка боем» закончилась. Из семи человек моей группы один был ранен.

Сопереживание солдата (к Разведке боем).

В предбоевой обстановке нервы, в какой-то степени, напряжены у всех. И вот какой случай был.

Утром, почти в тот момент, когда нам надо переправиться через реку, меня вызывает командир дивизиона. От землянок у переправы, где я находился, до места, откуда звонил командир дивизиона, около километра. Срочно явился к нему и вместе с ним отправился к начальнику артиллерии дивизии полковнику Сластюнину, по его вызову. Зачем вызывали нас — командир дивизиона сам не знал. Землянка начальника артиллерии дивизии находилась в болотистой местности, среди зарослей низкорослого кустарника и тростника, но на сухом месте, на песчаном бугорке. Он нас встретил, можно так сказать, дружелюбно. Командир дивизиона доложил ему, что со мной начальник разведки лейтенант Черняков.

Полковник, обратившись к нам, сказал,— «Хорошо, я его знаю, и коротко пояснил, что рота капитана Копейкина уже на исходном месте. Ваша задача, продолжал он, заранее подготовьте данные и обеспечьте благополучный отход нашей разведки, т.е. отсеките огнем противника, если он будет преследовать. Вот и все. Идите». Но не за этим он нас вызывал, а затем, чтобы видеть самому нас, кому поручал это немаловажное дело, особенно для него.

Возвращаясь обратно на переправу, около домика лесника или какой-то заброшенной часовни, что-то вычурное было в его внешнем виде, меня остановил солдат. До этого я раза 3—4 проходил в этом месте и по его указанию и предупреждению быстро пробегал или проползал расстояние от одной траншеи до другой. Это место, метров 70, сильно простреливалось и, вероятно, хорошо просматривалось немцами, а глубокой траншеи еще не было.

Этот солдат поставлен был для предупреждения всех, кто шел на переправу, об опасности обстрела этого места.

Так вот о чем я хотел сказать. Этот солдат, видимо, определил правильно, что я иду туда, где скоро завяжется бой, из которого не все вернутся благополучно. Он стал меня расспрашивать — откуда я родом, есть ли семья, сколько детей, где призван и т.д. и т.п. Мне некогда было с ним задерживаться, но все же мы закурили и я ему обо всем его интересовавшем рассказал. В свою очередь и я его спросил — уж не чувствуешь ли ты, что меня сегодня в предстоящей переделке ждет беда. Он ответил — нет, но чем черт не шутит, война есть война.

Он так тоскливо говорил, так участливо смотрел на меня, как будто провожал родного и человека на тот свет и мне стало не по себе. Вот это да! — подумал я. Бывают же в жизни такие встречи и сопереживания людей совершенно не знающих друг друга, но глубоко чувствующих какое-то душевное родство. Встреча была мгновенной и солдат был как солдат — сильный телом, не упавший духом, не растерявшийся, нет. Скорее наоборот — богат и крепок душой и сквозь переживания в нем видна была затаенная решительность и бодрость и этим можно объяснить, что из

беседы с ним заряжаешься сознанием того, что мы русские и что мы сильны и едины, любим свой народ и потому непобедимы. Словами он меня не агитировал, а убеждал духовным своим состоянием. Солдат был немного старше меня, рабочий из Свердловска и он остался на своем, — тоже можно сказать, — боевом посту, проводив меня добрым русским взглядом.

А утро было ясное, солнце уже сгоняло росу, хорошо грело, кругом лес в зеленом убранстве и это все заполнилось мне лишь потому, что меня солдат оторвал на несколько минут от постоянного сосредоточения внимания на делах будничных тяжелейшей войны.

УДАЧНЫЙ РИСК

Командир дивизиона дал приказ — переправиться через приток Северского Донца, не помню названия этой речки, и занять огневые позиции у рощи правее какой-то деревни. Мы стояли в обороне, но такие смены позиций практиковались часто. Приказ все получили, а о переправе ничего не сказано, как обычно, и пришлось решать самим — где и как преодолеть эту речку. Дело было в конце марта или начале апреля 1943 г. Весенний паводок уже вошел в силу, вода везде и всюду затопляла низкие места и выходила из берегов рек. Я был со второй батареей и, перед тем как двинуться на новое место, направил двух разведчиков осмотреть переправу у деревни Гинеевка. Разведчики доложили, что мост грузоподъемностью 4 тонны, указатель на нем свежий, без перил, длиной 8 метров, вода почти выступает на настил, подъезд нормальный. Следующая переправа у дер. Мохначи, ниже по реке километров десять, там грузоподъемность моста 12 тонн.

Что делать? Небольшое совещание с командирами огневых взводов и я даю команду — следовать за мной. 76-мм пушки на тракторной тяге создавали тяговое усилие в два раза больше грузоподъемности моста.

Дело было рисковое, но решено — идем на эту переправу. Время, отведенное на смену огневых позиций, торопило. Трактор и пушка по длине, а стало быть и их тяжесть разместились почти на всю длину моста. Это облегчало работу — нагрузку моста, да, вероятно, и грузоподъемность его была с запасом и составляла около 6 тонн. Когда первый трактор с пушкой вышел на мост, вода выступила на настил, мост немного осел, но выдержал. Вслед за первым двинулся второй трактор, за ним следующий, все трактора и пушки прошли нормально, мост весь ушел под воду, но выдержал опасную для него нагрузку. Все, кто, в какой-то степени, переживал за переправу, вздохнул с облегчением, риск обошелся нам кратковременным напряжением и соблюдена была предельная осторожность всех людей. Расчет был сделан мгновенно, но удачно, мост имел нагрузку на пределе, но не подвел, беда на этот раз миновала нас и меня как старшего, несущего всю ответственность.

Преодолев переправу, мы въехали в деревню, где находился уже штаб дивизиона. Когда я доложил командиру дивизиона, что 2-я батарея следует к месту назначения, он с изумлением сказал, — Откуда ты взялся? Я ответил, — из Гинеевки, а не из Мохначей. И дальше он продолжал, — Если бы ты утопил хотя бы одну пушку, тебе было бы не миновать штрафбата. Пушку и трактор достали бы, но трибунала ты бы не избежал. Затем он сказал, — Ну ладно, победителей не судят.

Видно было по всему, что командир дивизиона одобрил такие действия. В это время командир второй батареи был рядом с командиром дивизиона и при моем докладе о переправе только покачал головой. Разговор окончен и командир дивизиона еще раз показал на карте место огневой позиции, приказал следовать туда и заметил при этом, что там предполагается продолжительная стоянка дивизиона.

76 СНАРЯДОВ ЗА 20 МИНУТ

Не каждому артиллеристу приходилось вести огонь по врагу и самому наблюдать ход боя. На войне боеприпасы, особенно артиллерийские снаряды — это хлеб насущный и бросать их понапрасну нельзя, преступно.

Но вот как однажды я вел артогонь по врагу.

Получив приказ командира дивизиона, я должен был найти командира 544 стрелкового полка и по его указанию или командира одного из батальонов этого же полка и, как обычно, по их просьбе вести огонь. В лесу, в котором мы стояли, передвижение большое и нам сказали, что батальоны 544 стр. полка уже впереди. Я взял трех телефонистов, трех разведчиков и мы вышли. Из густого леса на открытое широкое поле. Когда отошли от опушки леса, перед нами развернулось поле шириной около 4 км и в глубине около 5 км. Причем сначала начинался небольшой подъем, затем сравнительно крутой уклон, ручей с полосой сенокоса ~ 200 метров, и дальше возвышалось поле в глубину 2—3 км и на нем полоса обороны немцев.

Идем на поиски пехотных командиров. Нам указывают, что вот в том направлении и батальоны и роты, а никого в том направлении не видно, никакого движения не наблюдаем. Берем одну телефонную линию из двух проводов и предполагаем, что одна к комбату из штаба полка. Идем по проводу. Немцы обстреливают все поле, свистят пули около нас. Движемся ползком, перебежками, и нам кажется, что вот-вот должны быть наши и встречаем на пути убитого связиста, он лежит с катушкой и, видимо, он прокладывал другую линию в одну нитку. Посылаю внимательно его осмотреть. Докладывают — связист мертв. Мой связист включился в линию, но никто не ответил. Приказываю всем лежать и не шевелиться. Огонь по нам немцы почти прекратили. Двигаться вперед до ручья нельзя, неизвестно, есть ли наши впереди и если есть, то где именно находятся — определить не можем. Довериться телефонной линии, по которой мы идем — тоже нельзя и остановиться, переждать опасно потому, что немцы нас засекли и могут усилить снайперский обстрел или даже открыть артогонь. И я решил — надо возвращаться обратно. При отходе приказал — вперед идет связист по тому же проводу и, не теряя связиста из вида, все движемся ползком, рассредоточено. Как только тронулись, кругом нас снова засвистели и защелкали разрывные пули. На таком расстоянии, которое отделяло нас от немцев, около 800 метров, снайпера могли нас поразить, но все обошлось благополучно. При возвращении трем раненым помогли выйти из зоны обстрела.

Позже мы установили, что когда начался обстрел нашей пехоты, она уже была на склоне, успела пройти до ручья и оказалась в мертвом пространстве, где она мало просматривалась немцами.

Всякое передвижение в зоне обстрела, где мы оказались, в данном случае было неразумным, и потому мы возвратились к своим траншеям и во втором их ряду выбрали НП. На этот раз все сложилось по иному и артогонь пришлось вести по своей инициативе, без просьбы пехоты.

Докладываю командиру дивизиона, что пехота прижата огнем немцев, наступать не может из-за больших потерь. Мы видим траншеи фашистов и их огневые точки, надо бы их подавить, накрыть нашим артогнем. Получаю разрешение — пристреляй одним орудием. Подготовил исходные данные для стрельбы и пристрелял быстро, 6—8 снарядами заключил в вилку. Во время пристрелки наблюдаем, что немцы стали бегать, передвигаться в беспорядке, видим около десятка человек. За этим наблюдал и командир дивизиона. Получаю разрешение открыть огонь батареей. Даю команду на батарею, — «Первым орудием 4 снаряда беглый огонь». Беготня фрицев усилилась. Даю команду — «Батареей, 4 снаряда, беглый огонь». Как только ударили сразу 12 снарядами, беготня фашистов усилилась правее. Меняю угломер, немного прицел

и опять беглый огонь. Видно было немцы в растерянности от неожиданности нашего огня — заметались около 50—60 человек. Из траншей убегали в противоположную от нас сторону. Момент был азартный и я продолжал вести огонь батареями, пока видел мечущихся фашистов и пока меня не позвал к телефону командир дивизиона. Он сообщает, что сейчас откроют огонь катюши и спрашивает, — это ты ведешь огонь батареями? Отвечаю, да я.— Кто просил — командир стрелкового полка (называет фамилию) или командир батальона? Нет, говорю, не просил ни тот и ни другой. Дальше спрашивает — сколько снарядов израсходовал? Спрашиваю разведчика, тот отвечает — 76. Докладываю — 76. Слышу возмущенный голос командира дивизиона, — ты что с ума сошел, прекрати огонь и сам доложи в штаб полка обо всем! Тогда я понял, что действительно перехватил через край. Моя норма (неписанная) не по живой силе врага, а по огневым точкам его — 10—20, а максимум 30 снарядов, и то по разрешению старшего начальника. А я перешагнул в этой стрельбе и норму командира дивизиона. 76 снарядов — это примерно 2 тонны с лишним металла со взрывчаткой, по стоимости равняется 2 тракторам.

За моей стрельбой наблюдали начальник разведки нашего артполка и другие командиры. И когда огонь был прекращен, из штаба полка спрашивали — кто вел огонь и одобрили мою стрельбу. Так что впоследствии командир дивизиона был доволен исходом дела.

Правее нас, на той же возвышенности, вели стрельбу катюши и вела огонь одна из батарей 1-го дивизиона нашего полка.

После этого обстрела наша пехота зашевелилась, поднялась, перешла ручей и за светло, с небольшой перестрелкой заняла немецкие траншеи на высоте, по которой только что вели артогонь. А в низине у ручья устроили привал с ночлегом и пехотинцы и артиллеристы. В штаб полка была дана сводка начальником полковой разведки — в результате артобстрела противнику нанесен большой урон с указанием его потерь в живой силе. Пехота необходимость огня подтвердила.

Кстати замечу, что от Донца до Днепра во всех проходивших боях наш 2-й дивизион вел только три раза обстрел позиций оборонявшихся немцев, при общем их отступлении. Это расстояние около 350 км. Как видите, артогонь открывали в исключительных случаях, когда пехота не могла идти вперед без артподготовки.

ФОРСИРОВАНИЕ ДНЕПРА

При подходе к Днепру, на левом его побережье, почти все деревни и села были сожжены, мы наблюдали затухающие пепелища, мало сохранилось хат, разрушен большой завод в Новомосковске, много разрушений и в Нижнеднепровске. Около 20 октября 1943 г. наша 152 стрелковая дивизия вышла к Днепру, прямо против г. Днепрпетровска. При подходе к городу бои были в 10—12 км от него.

В Нижнеднепровск вошли без выстрела, только подрывались на минах. Здесь, в Нижнеднепровске, я впервые увидел расстрелянных мирных жителей, на откосе дороги лежала убитая женщина и, вероятно, двое ее детей — мальчик и девочка школьного возраста.

Форсировать Днепр стали выше города, рядом с пригородом Кайдани. Для переправы через Днепр нашему 333 артполку и 544 пехотному полку было выбрано место с небольшого острова. Остров отделялся от берега руслом шириной 40—50 м и неглубоким — около 2—3 метра. Сам же Днепр в этом месте шириной 500—600 метров, с сильным течением. На этом острове мы стояли несколько дней, готовились к переправе и были в безопасности от пулеметного и снайперского огня. Небольшой песчаный гребень укрывал нас, над нашими головами щелкали разрывные пули и искрились трассирующие, но нас редко задевали.

2 или 3 пехотных группы в составе почти целых рот с этого островка были направлены для захвата плацдарма на правом берегу Днепра, занятому немцами. Около десятка понтонных лодок, под сильным обстрелом, причалили к тому берегу, и, высадившись в темноте, бойцы сразу стали зарываться в землю, в песчаный берег, в бой не вступали. Только с рассветом, когда фашисты их засекли и попытались уничтожить — тогда завязалась ожесточенная схватка. Некоторые лодки так сильно были обстреляны немцами, имели такие большие потери, что их бойцы не силах были причалить лодки к берегу, поплыли вниз по течению и только были слышны крики раненых. При этом надо сказать, что место для высадки первоначально было выбрано неудачно. Новое место высадки группы захвата — песчаная безлесная отмель длиной более километра и шириной — 400 метров. На ней немцев не было, а от обстрела можно было быстро в песке вырыть ячейки, гнезда. На нее и высадились группа захвата плацдарма.

Батареи нашего полка вели артогонь по подавлению огневых точек немцев в глубине их расположения, а оказать существенную помощь нашим наступающим ротам при занятии прибрежной полосы артиллеристы не могли. Вероятно, для того чтобы не бездействовала артиллерия, начальником артиллерии дивизии был дан приказ — переправить разведку одного из дивизионов на тот берег и связать со штабом полка посредством радиосвязи.

Командир дивизиона приказал мне срочно готовиться переправе. На подготовку дал и всего несколько часов. Наступила ночь, ничего не видно, темнота «хоть глаз выколи». Я был назначен старшим над тремя понтонными лодками, на одной из них (целый плот), со мной для переправы, было около 12 человек. Взяли все снаряжение — радиостанцию, стереотрубы и пр., все погрузили в понтоны. Лодка 6-ти весельная, тронулись, я в корме с шестом в руках управляю ею. Перед отплытом я объяснил бойцам, что мы должны подняться вверх на мыс острова и от него направиться на тот берег, на песчаную отмель выше леса. К лесу нельзя причаливать, там фашисты, обстреливают наши лодки и нам приказано высадиться выше почти на километр. Все гребут старательно, хорошо (немножко хлопают по воде веслами) и мне казалось, что движемся вперед нормально, а на самом деле мы не смогли подняться встреч течения к мысу острова и видно было, что тем более не сможем подняться навстречу течения по основному руслу реки, как предусматривало начальство. Лодки были сильно перегружены. Несколько лодок, отправлявшихся вместе с нами, вообще отнесло вниз по течению. Не так то просто в темноте разобраться, соблюдая при этом тишину.

Видно было, что так мы не попадем туда, куда нужно, и я принял решение — изменить первоначальные указания, а именно — поднять лодки вверх вдоль своего берега метров на 300. Всю эту местность я знал хорошо, каждый куст, каждую извилину реки. Я начал поднимать свою лодку и вслед за нами все лодки, которые должны плыть с нами, поднялись до небольшой заводи. Опять все разместились в лодках и поплыли наперерез Днепра. За нами последовали и другие лодки.

Все прошло удачно, причалили там, где требовалось — на длинную песчаную косу, повыше опушки леса метров на 200. Многие не ожидали такой удачной переправы. Вместе с нами переправился взвод полковой разведки полка. Как только высадились на берег, ко мне подошел связной командира стрелкового батальона и передал его приказ — подготовиться к атаке на опушку леса. На рассвете с криками «Ура» мы вместе с пехотинцами заняли прибрежную полосу леса и проникли в глубину его. Немцев было немного, они уже отходили, всего несколько человек-смертников с пулеметами и автоматами, часть из них была убита автоматным огнем, часть взяли в плен. А правее нас один батальон 544 стр. полка занял уже населенный пункт.

Об этой переправе, обо всем с ней связанным, со мной беседовал корреспондент дивизионной газеты и в ней была статья, где упоминалась моя фамилия. Был разго-

вор с командиром дивизиона о том, что за Днепр будут награждать, но 2 ноября, т.е. через несколько дней после форсирования Днепра я был тяжело ранен и связь с товарищами однополчанами после ранения не имел.

НЕМНОГО О МОЕМ РАНЕНИИ

Уж очень мало солдат и офицеров, которые прошли все войну невредимыми. Процент уцелевших невелик, но при постоянном пополнении воинских частей свежими силами создается впечатление, что потери хоть и большие, но основная масса все же всегда в строю. В число выбывших по ранению попал и я. На одного убитого, пожалуй, в среднем приходится трое раненых. Это случилось и при моем ранении. Тяжело ранен был я, легко ранены связист и разведчик, они наверняка вернулись в строй, а умер от ран на пути в госпиталь командир гаубичной батареи Ярошко, уроженец Орловской области. Он был ранен в левое плечо, в лопатку. Ранило всех четверых на чердаке небольшого домика, соломой крытого, в деревне Ветровка, в 90 км от Днепропетровска на Кривой Рог. Все мы были ранены осколками при разрыве артиллерийского снаряда, ударившего в стропилу крыши.

Перед ранением двое суток я выбирал место для наблюдательного пункта и ничего лучше не выбрал. После ранения несколько дней, как только закрою глаза, мне казалось, что я выбираю НП. Уж очень невыгодна была вообще наша позиция и пришлось остановиться на чердаке небольшого, продолговатого, глинобитного домика, состоящего из передней комнатки, затем спальни, за ней кухня, коридорчик небольшой и хлев, где держат скот. Все его комнаты расположены в одну линию, а передняя комната окном смотрела в сторону противника. Мимо домишка шла тропа, или небольшая малонаезженная дорога. По ней в направлении передовой туда и обратно, без конца, передвигалась пехота по одному человеку, а то и группами. Это демаскировало наблюдательный пункт, и противник засек нас. Мы об этом знали, но ничего более подходящего на этом участке для НП не было. Перед нами подковой расположены сравнительно большие возвышенности, на которых засели немцы, а мы развернули НП на краю деревни, раскинувшейся в низине, в середине подковы. Наше положение было невыгодным. Передняя линия расположения стрелковых рот от нашего НП была на расстоянии, примерно, 400—600 метров. Мы хорошо видели в стереотрубу передвижение противника и их огневые точки, в т.ч. и артиллерийские батареи, хотя все они на закрытых позициях, но их места, примерно, были нами засечены. Немцы нас, думать надо, так же хорошо видели. Этим можно объяснить, что в первый день, как мы заняли НП, нас обстреляла одна из батарей противника.

Кстати подробнее о НП. Расположились на новом месте с одобрения командира дивизиона и штаба полка. Необычно долго выбирали НП, так никогда ранее не случалось, как правило, сходу находили подходящее место и безошибочно, за что я не раз получал благодарности от командира дивизиона, а тут, как назло, я с разведчиками и связистами исходил и исползал всю местность и ничего лучшего не нашел. Не нашли мы такого места, откуда бы мы могли хорошо видеть противника, а он нас нет. Для НП — это главное.

Так вот, остановившись на новом месте, я умылся, что бывает не так часто, не каждый день, целое ведро воды солдат вылил мне, побрился и сел читать газету ЦО «Правда» — материалы о форсировании Днепра. Сел прямо у окна, спиной на противника и сразу же подумал — ударит прямо в затылок. Перешел в спальню, сел на койку, которая стояла за печкой и стал продолжать читать газету. Прошло не более 15—20 минут и домик был прошит — пробит 3 или 4 снарядами небольшого калибра. Опять я весь в пыли, напрасно умывался. Но все, кто был на НП, оказались целы-

ми, невредимыми. Обстрел был произведен немецкими батареями не только нашего НП, а всего переднего края наших частей.

Сразу же после налета вражеской артиллерии прибыл к нам на НП начальник штаба полка и приказал — подавить батареи противника. Командир дивизиона приказал выполнить эту задачу гаубичной батарее. На наблюдательный пункт прибыл командир батареи лейтенант Ярошко. Командир дивизиона майор Данилов находился тоже на НП, но по моему настоянию спустился с чердака и ушел с НП в штаб дивизиона, который находился метрах в 300 от НП.

Командир батареи подошел к стереотрубе, и я ему стал объяснять все цели, которые были нами засечены, в т.ч. батареи противника. В этот момент, спустя, вероятно, час после первого обстрела, по нашему НП снова открыла огонь вражеская батарея. Снаряд шрапнельного, осколочного действия ударил в стропилу, крыша соломенная раскрылась, стало светло на чердаке, не знаю чем объяснить, но это я запомнил, и мы все четверо, кто был на чердаке, были ранены. Я был ранен в левую ногу тремя осколками, и при спуске с чердака мне попали под ноги телефонные провода, и я на них повис. Внизу было несколько человек разведчиков, связистов и пехотинцев, переживавших обстрел, и был санитарный инструктор. Меня сняли с проводов и сразу же санинструктор перевязал стопу, она сильно кровоточила, сквозное ранение с повреждением костей и сухожилий. Места ранения голени и бедра не были перевязаны и, конечно, потому, что эти раны мало кровоточили, слепое ранение.

Пока шла перевязка, к соседнему дому уже были поданы две повозки для доставки нас в санбат. Лошадей подогнать к НП нельзя было, т.к. от НП до этого дома, где стояли ожидавшие нас повозки, было пространство метров 100 обстреливаемое фашистскими снайперами. Предлагали меня нести на плащ палатке, но тут же один рослый, здоровый парень предложил перенести за плечами, и я, обхватив его, оказался на его согнутой спине, и он быстро перебежал со мной это простреливаемое место.

Так же были доставлены командир батареи, связист, разведчик, и на двух подводах нас отвезли в санитарный батальон, который находился километров восемь от места нашего ранения. В санбате мне перевязали стопу, рассекли рану голени и отвезли в палатку километра 1,5 от места перевязки.

Спустя около часа, после того как меня привезли, зашла врач или медсестра, стала знакомиться с нами — кто во что ранен и как ранен, чтобы рассортировать кого куда и когда отправлять. Раненых в палатке было много, палатка большая. Подошла и ко мне и увидела, что я лежу на плащ палатке весь в крови. Оказывается, что это кровь из раны на бедре. Рана на бедре меня мало беспокоила и поэтому бедро не перевязано. Я об этом врачам ранее, на перевязке, ничего не сказал. Кровь из этой раны мало текла, а тут вдруг сильно стала кровоточить. Врач спросила — откуда у Вас кровь, и я хорошо помню, я ей сказал, что только сейчас чувствую, что очень сыро у меня, и это, видимо, потому, что у меня есть еще рана, и указал на бедро.

По ее распоряжению меня сразу же погрузили на повозку, запряженную уже волами, и доставили обратно в перевязочную. Врачи, которые принимали и перевязывали, были недовольны, — почему сразу о ране на бедре не сказал, но все равно делали свое дело, отстригли штанину, обработали рану и меня обратно отвезли в палатку. В окровавленной штанине были часы, номер дивизионной газеты, где в статье о форсировании Днепра упоминалась моя фамилия — все осталось в перевязочной и, конечно, все было выброшено.

Спустя четыре месяца (29/II-44 г.) при операции в госпитале в г. Саратове из раны на бедре был извлечен осколок вместе с куском брюк и кальсон.

Из санбата нас на автомашинах отправили в какой-то поселок, потом город Павлодар, где мы сутки — двое находились в церкви — церковном здании, а затем при-

везли в г.Константиновку. Из Константиновки санитарным поездом мы были доставлены в гор. Саратов, в госпиталь, где находился до конца лечения, до 30/IV—44г.

Медицинские работники в годы минувшей войны, несмотря на тяжелые условия, спасли жизнь многим сотням тысяч раненых, в том числе и мне. При сквозном ранении стопы были раздроблены кости, из раны фонтаном шла кровь, и в этом случае только своевременная перевязка санинструктором, а затем обработка ран (тоже своевременная) в санитарном батальоне, позволили сохранить мне силу, так необходимую для выздоровления, при дальнейшем лечении в госпиталях.

В Саратове в госпитале мне было сделано две операции под наркозом,— первая — чистка стопы, как сказал хирург — «мы похозяйничали в вашей стопе хорошо», вторая — удаление осколка из бедра.

После второй операции я сильно ослаб, долго не просыпался и услышал голос хирурга — «да покажите ему осколок». Когда привезли в палату с операции, мне было уж очень «хорошо». Спустя часа два после операции подогнали каталку, чтобы отвезти меня в для переливания крови. Я отказался и просил только об одном — не беспокойте меня. Приезжает с каталкой уже не медсестра, а лечащий врач, я опять отказался. Затем подгоняют каталку, и подошла ко мне зав. отделением и спрашивает, почему я отказываюсь. Я сказал, что мне очень хорошо, легко, мне ничего не нужно, я хочу лежать спокойно.

Выслушав меня, она сказала ребятам — возьмите и они меня взяли, силой положили на каталку. У меня была сильная потеря крови при операции, и врачи видели, что если мне срочно не сделать вливание крови, то я погибну. Доставили в кабинет переливания крови, влили мне 200 грамм крови, и я сразу как бы вновь воскрес, почувствовал себя совсем по другому, захотел есть и стал просить.

После этого мне еще 3 раза вливали кровь по 200 грамм. Хочется сказать, что переливание крови — великое дело, уже тогда оно было спасительным средством для многих нас, раненых.

ОБ ОПАСНОСТИ НА ВОЙНЕ

Для многих людей моего возраста нельзя сказать, чтобы война оказалась неожиданностью. Мы чувствовали ее приближение. Но все же встретили ее по-разному и многие как неожиданность. Войны во все времена воспринимались народом как грозные события ни с чем не сравнимые. И это понятно.

Сознание необходимости защищать свою родную страну, свой родной народ от нашествия врага пронизывало наши души и это придавало силы переносить все тяготы войны и питать ненависть к врагу.

Но первый обстрел или бомбежка, первая опасность быть убитым или раненым, пожалуй, каждым пережита очень тяжело. Но тут вот как бывает — одного так потряхнет, что он не может собраться с силами и овладеть собой, а другой — просто и относительно спокойно перенесет, по крайней мере, внешне ведет себя сдержанно, нормально, как того требует обстановка.

Скажу о себе. Первый обстрел я перенес тяжеловато, но переживания были уж очень кратковременны. И в силу того, что переживания были по существу мгновенны, нервное состояние не было глубоко нарушено, все проскочило как бы мимо, и происшедшее меня не очень коснулось.

А дело было так. Наша 3-я рота 7-го пулеметного батальона из деревни Керванто, бывшее финское селение на мысе Северном полуострова Рыбачий (на картах название мыс Немецкий), шла в боевое охранение на сопки Муста Тунтури (полуостров Средний). Мы должны были затемно прийти в Кутовую и сменить находившихся на сопках людей, но нас задержала врач лишнего часа на два, и мы стали спускаться в

Кутовую на рассвете. По склону в сторону немцев надо было идти километров пять. Все мы были в белых халатах, но все равно фашисты нас заметили, так как халат полностью не закрывает бойца — оружие, сапоги, рукавицы, лицо и др. — все это демаскировало нас.

Начался обстрел. При первых же разрывах снарядов все бросились врассыпную. Обстрел продолжался около 10 минут, выпущено было по нам не более 2-х десятков снарядов, убитых не было, раненых двое. Вот это первый обстрел, он кончился, все собрались около землянок 35 стр. полка и тронулись к месту назначения. А в боевом охранении нас начали обстреливать из минометов и снайперы почти каждый день. За 18 дней нахождения в боевом охранении — 2 человека были убиты и 3 человека ранены.

В этом (февраль 1942 г.) боевом охранении я был начальником связи. И дальше уже всякий раз, будь то обстрел или бомбежка, я переносил не выходя из возбужденно-нормального состояния. Но приходилось видеть, когда в первых опасных ситуациях некоторые товарищи, главным образом необстрелянные, дрожали как при ознобе. Но это очень редкие явления, причем эти же товарищи иногда говорили (а больше молчали, неудобно), что я вот себя так чувствую не потому, что уж очень боюсь смерти, нет, вовсе нет, у меня просто возникает какое-то, временно неуправляемое нервное состояние. Я понимаю и вижу, что так нельзя. И такое состояние пережили некоторые боевые, смелые, толковые ребята, вовсе не растерявшиеся при опасности.

На передовой, в ходе боев, почти все бойцы и командиры, находясь постоянно в опасности, приобретают со временем, в некотором роде, привычку и ведут себя, как будто никакой опасности для них нет, делают все, что от них требует обстановка, ход боя, выполнение задачи. Все лишения будничной фронтовой жизни солдата временами невыносимо тяжелый труд, постоянное напряженное состояние — сглаживают переживание опасности. В моменты боя и в других подобных случаях чувство страха, боязнь смерти как бы совершенно притупляются и на первое место в сознании становятся действия, вызванные обстановкой.

Вот коротко о военных буднях лейтенанта-артиллериста.

НЕКОТОРЫЕ КОММЕНТАРИИ К ЗАПИСКАМ МОЕГО ОТЦА МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ЧЕРНЯКОВА

На своем 90-летнем юбилее мой отец читал стихи Есенина, Некрасова, Лермонтова. Отец рассказывал, что для него выучить стихотворение не составляло труда — за два прочитанных раза он их запоминал. Его сильно огорчало то, после 80 лет он не смог читать из-за сильно ослабшего зрения. После выхода на пенсию отец написал много своих воспоминаний, историю своего села, родословные по своей линии и по линии моей матери, рассказы родителей и дедов, воспоминания о своей жизни и событиях своего времени, о событиях военной поры, о которых он рассказывал своим внукам, разные заметки. Свои воспоминания отец записывал в общих тетрадях, на листах обычной бумаги. Он продолжал писать даже тогда, когда уже не мог видеть написанного. Он говорил, что пишет «на ощупь, рука помнит как надо писать». У отца сохранились дедовские документы позапрошлого века и начала 19-го. Свои документы он также хранил. Архив отца — три больших чемодана, который так еще полностью и не разобран.

Записки о военных буднях написаны в начале 80-х годов. В эти записки вошли далеко не полные эпизоды тех военных дней. Записки писались для своей семейной истории и, может быть, для того, чтобы потомки могли лучше узнать правду далеких от них исторических событий и жизни. Отец любил рассказывать о прожитом,

сопровождал это комментариями, высказывал свою точку зрения на события, которая могла отличаться от общепринятой («официальной»).

Отец всегда много работал. Он вставал очень рано и уходил на работу, обходил свои владения, и к началу рабочего дня он уже знал обстановку на заводе. Работники и жители поселка его уважали за деловитость, знания, заботу о людях.

Фраза «я уже коротко говорил» в записках отца свидетельствует о том, что он излагает рассказ своим слушателям и который является продолжением предыдущих рассказов.

Еще несколько слов об отце в дополнение к биографии, отдельные штрихи.

Уже в начале профессиональной деятельности отца знали, несмотря на его молодость, и ждали в артелях и колхозах по всему Псковскому озеру. Он не только осуществлял инспекцию, но и помогал составлять отчетность, в том числе бухгалтерскую.

Артиллерия во времена службы отца была на конной тяге, и он проходил конную подготовку. С детства прекрасно управлял конем верхом, а навыки ходить верхом в строю, в колонне, а так же рубки лозы и взятия препятствий получил в армии.

После войны хозяйственные должности были заняты бывшими военными начальниками. Такова была практика. Воевать и хозяйствовать совершенно разные вещи. И настала необходимость ставить у руководства компетентные кадры. Директором Порт-Владимирского рыбозавода был бывший майор. Дела шли неважно. Так отца отправили на усиление хозяйственной деятельности. Тогда заменили не одного майора. По той же причине был направлен директором Сайда-губского рыбозавода. В должности директора пользовался непререкаемым авторитетом и уважением.

При ликвидации поселка Сайда-губа получил три предложения по трудоустройству. Это директором Кандалакшского рыбозавода, заместителем директора Мурманского рыбокомбината и начальником ЖКО Мурманского рыбокомбината. В Кандалакишу возвращаться не хотел, а из двух должностей на Мурманском рыбокомбинате выбрал ту, что позволяла быть самостоятельным. Всю трудовую деятельность был самостоятельным и ходить под начальником (директором Мурманского рыбокомбината) не захотел.

Юрий Черняков, г. Петрозаводск

